

М.Н. АРБАТСКАЯ
СЮЙ ЛИНЬЧУН

СИСТЕМА СЕЛЬСКОГО МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» КИТАЯ

Аннотация. Данная работа открывает серию статей, посвященных прямым выборам местного самоуправления в сельской местности Китая, которые обозначили перестройку политической системы в рамках доктринального видения Дэн Сяопина демократии и экономических реформ по модернизации и открытости страны, называемых Пекинским консенсусом. В настоящее время Поднебесная пребывает в состоянии «новой нормальности», что привнесло некоторые изменения и в выборы местной власти на селе, которое было и является системным источником ресурсов ускоренной модернизации. В Китае наблюдается раздельное двухуровневое управление городом и деревней, в результате которого появилась социальная стена, разделившая страну на взаимно изолированные неравные миры. Расколы «город-село» и «запад-восток» дополняет проблема крайней бедности в сельской местности и повсеместная коррупция. Анализ динамики сложного административно-территориального устройства страны, фактически являющейся «квазифедерацией», и «китайский крест урбанизации» наглядно показали, что центр и провинции совокупными административно-политическими мерами управляют темпами урбанизации, укрупняя низовые органы власти и самоуправления и регулируя количество поселков городского типа. **Ключевые слова:** новая нормальность, местное самоуправление, сельские комитеты, прямые выборы, «крест урбанизации», система ответственности домохозяйств, миграция сельского населения.

RURAL LOCAL SELF-MANAGEMENT SYSTEM IN CHINA'S "NEW NORMALITY"

Abstract. This paper opens a series of articles on direct local self-management elections in rural China, which outlined the restructuring of the political system within Deng Xiaoping's doctrinal vision of democracy and economic reforms to modernize and open up the country, called the Beijing Consensus. At present, China is in a state of "new normality", which has brought some changes to the elections of local government in the countryside, which has been and is a systemic resource for accelerated modernization. In China there is a separate two-tier management of the city and the countryside, which resulted in the emergence of a social wall that divided the country into mutually isolated unequal worlds. The urban-rural and

АРБАТСКАЯ Марина Николаевна — доктор географических наук, г. Иркутск
СЮЙ ЛИНЬЧУН — магистрант Иркутского национального исследовательского технического университета, г. Иркутск

west-east splits are complemented by the problem of extremely rural poverty and widespread corruption. Analysis of the dynamics of the complex administrative-territorial structure of the country, which is actually a “quasi-federation”, and the “Chinese cross of urbanization” clearly showed that the center and the provinces, by aggregate administrative and political measures, control the pace of urbanization, enlarging the lower bodies of power and self-government and regulating the number of urban-type settlements and rural settlements.

Keywords: *new normality, local self-management, direct elections, “cross of urbanization”, household responsibility system, rural migration.*

Актуальность данной работы формально обусловлена 40-летием политики «реформирования и открытости», провозглашенной в декабре 1978 года (III пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая 11 созыва). Китай торжественно отметил юбилей реформ в конце 2018 года. «Дэн Сяопин разбил железную чашку риса и заменил ее экономикой, которая не гарантировала пищи или товаров первой необходимости, предоставляя людям возможность найти их самостоятельно... Результатом стало “китайское чудо”» [1, с. 124]. Постепенно преимущество дешевой рабочей силы по демографическим и иным причинам почти утратило свое превосходство. После мирового кризиса 2008–2010 годов в Китае наступила «новая нормальность», означающая замедление экономического роста и разворот экономики на внутренний рынок¹.

«Новую нормальность» как «важное изменение баланса, предполагающее более диверсифицированную экономику, более устойчивый рост и более равномерное распределение выгод»² внутри Китая предложил Си Цзиньпин, идеи и действия которого «архитектор» американо-китайского сближения Генри Киссинджер сравнивает с реформами хорошо ему знакомого «архитектора» китайских реформ Дэн Сяопина [2, с. 291]. Вместе с тем, большинство авторов, анализирующих чудо-экономику Китая, «...не обращают внимания на политическую инфраструктуру, которая сделала этот сдвиг возможным» [3, с. 421]. Но «...быстрый экономический рост был обеспечен именно наличием стабильной политической системы», а «...экономическая

¹ «Новая нормальность» — термин, первоначально использованный ...для описания болезненного восстановления экономики в странах Запада после финансового кризиса 2008 года (Ху Аньган. «Новая нормальность» Китая // Россия в глобальной политике, 2015. № 3.). Вступление экономики Китая в период «новой нормальности» обусловлено структурными и макроэкономическими причинами. К первым относятся: исчерпание запаса свободных трудовых ресурсов в традиционном аграрном секторе и «демографического дивиденда», сдвиг в отраслевой структуре экономики в пользу сферы услуг, снижение предельной производительности используемых факторов производства. Но ситуация усугубляется хроническим избытком производственных мощностей, накоплением значительной задолженности корпоративным и государственным секторами, в том числе по линии «теневого» банковского кредитования. Сознвая невозможность снова «разогнать» экономический рост массированными финансовыми вливаниями, в 2013–2014 гг. власти приступили к реализации нового пакета реформ (Мозиас П. Экономика Китая: погружение в «новую нормальность» // Вопросы экономики, 2015. № 4. С. 134).

² Фань Ган. Урбанизация в Китае // Project Syndicate, РИА Новости, 2011. 4 января. [Электронный ресурс] URL: <https://inosmi.ru/fareast/20110104/165387291.html>.

модель — это порождение китайской политической модели» [4, с. 190; 292] управления, кардинально изменившейся после 1978 года.

Опираясь на массив китайского законодательства и практику в системе местного самоуправления (МСУ) в годы реформ, профильные статистические данные государственных ведомств Китайской народной республики (КНР) и тематическую аналитику китайских, российских и англоязычных экспертов, попробуем определить значение первичной базы «объемной электоральной системы» Китая в его «новой нормальности», сделав акцент на особенностях воспроизводства и функционирования деревенского самоуправления.

Анализ включает рассмотрение основ социально-политического и административно-территориального устройства КНР; вопросы становления и развития сельских комитетов как института МСУ в условиях демократии по-китайски на основе смысла, заложенного китайским руководством в термин «демократия» на старте реформ; урбанизацию и обеспечение права на волеизъявление крестьян-рабочих в условиях масштабной миграции; связь политики планирования семьи и местного самоуправления; регистрацию избирателей и организацию процедуры голосования; предвыборное противодействие коррупции и модели деревенских выборов, количественные характеристики избирательного процесса.

Основы китайского социально-политического устройства, а также связь причин политики «реформ и открытости» и трансформацию принципов и механизмов социально-экономической жизни, как унаследованных от периода маоистской диктатуры и печально известной «культурной революции», так и обретенных в ходе реформ, мы показали на рисунке 1.

Китай — самое большое государство в мире по числу жителей, которое имеет при этом унитарное устройство, то есть — один уровень власти на всю территорию страны. Некоторые специалисты в России, тем не менее, считают КНР сложноустроенной «квазифедерацией» благодаря «административной децентрализации» или хозяйственной обособленности регионов и разному статусу территориальных образований, включая специальные экономические зоны со своим паспортным режимом» [4, с. 160]. Действительно, «...провинции и города получили значительные прерогативы по реализации директив из столицы», и это, не считая принципа «одно государство — две системы» для бывших Гонконга и Макао. «В результате наметилась существенная разница в политике различных регионов Китая» [5, с. 424].

К базовой политической системе государства в Китае относят национально-региональное самоуправление (согласно Закону «О национальной региональной автономии КНР» с поправками, внесенными в 2001 г.). Дэн Сяопин особо подчеркивал, что «*в Китае действует не система национального республиканского федеративного устройства, а система национальных районных автономий. Мы считаем, что она более продуктивна и лучше соответствует нашим условиям*» (курсив — наш) [6, с. 327]. Здесь «*наши условия*» — это подавляющее большинство (94%) ханьского населения. Поэ-

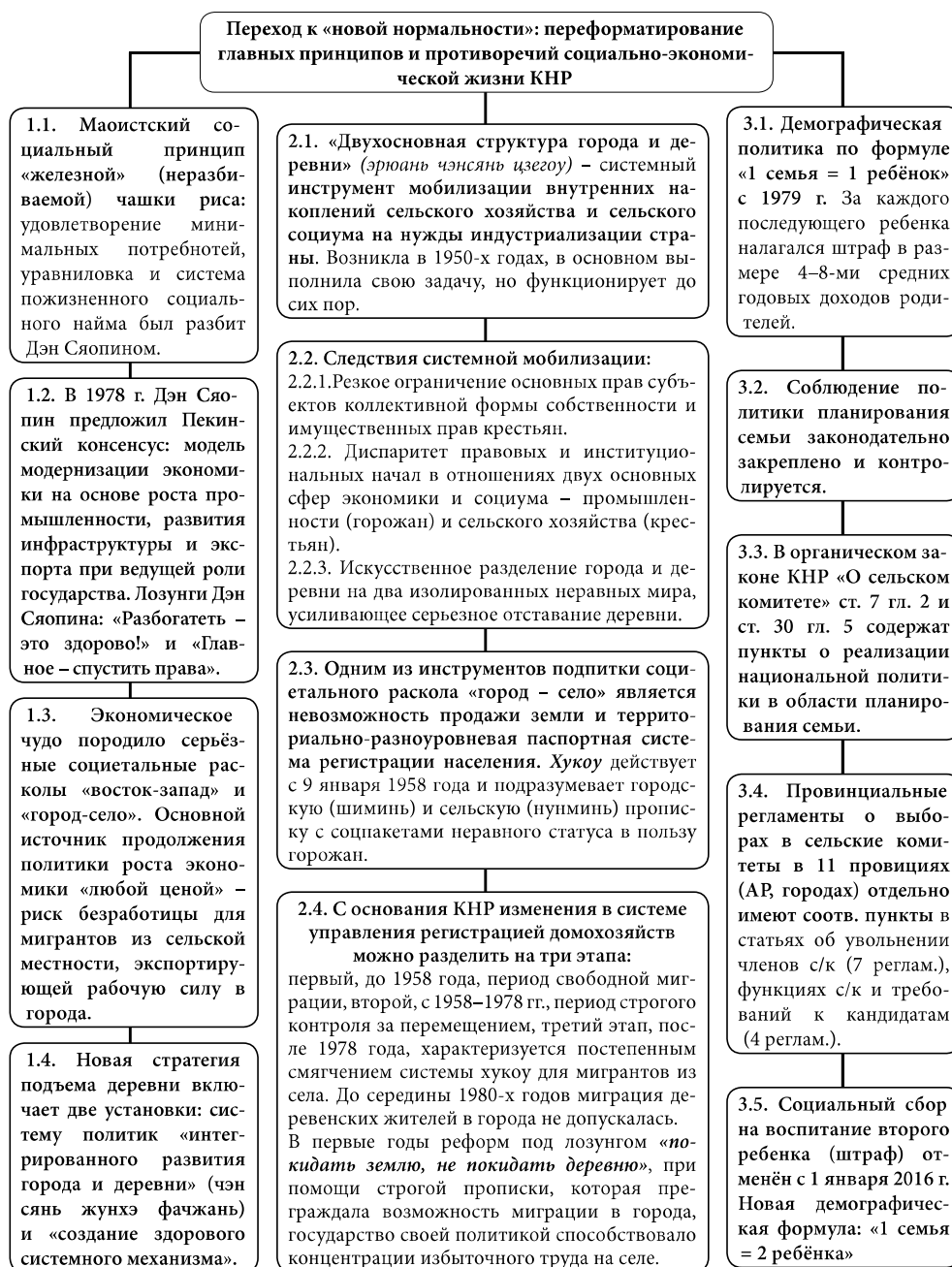

Рис. 1. Переформатирование главных принципов и механизмов социально-экономической жизни КНР в годы реформ

Источники информации: https://www.sohu.com/a/217617329_775892; http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201902/t20190228_1651265.html; http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html; https://baike.baidu.com/item/户籍/1290674?ivk_sa=1022817p

тому «...следование национально-политическому принципу административно-территориального устройства» имеет следствие в виде предоставления существенно более широких прав в самоуправлении районам национальной автономии [4, с. 162] с малочисленными народностями, расселенными по большой территории и в труднодоступных местностях.

Основные демографические характеристики страны — это население 1,4 млрд человек и государственная демографическая политика ограничения рождаемости («планирование семьи»). Формула «одна семья — один ребенок» была проблемой для каждой ханьской семьи в течение 37 лет, начиная с 1979 года (см. рис. 1). В результате политики планирования семьи «в течение 25 лет было предотвращено рождение более 300 млн человек» [3, с. 202], но при этом развился гендерно-возрастной дисбаланс населения. Пик числа работоспособного населения Китай пришел на 2015 год, а число сельских рабочих в возрасте 20–29 лет к 2030 году составит примерно половину уровня 2010 года [2, с. 559].

Условия китайской задачи на начальном этапе — руководящая и направляющая роль КПК («Партия — наш рулевой!») и принцип «железной чашки риса» — хорошо известны. Ставшее неактуальным полуголодное «питание из общего котла» было заменено «системой ограниченного открытого социально-политического доступа ... (семейный подряд и “двухколейная” экономика)» [7, с. 122]. Семейный подряд или система ответственности домохозяйств появилась взамен упраздненной коллективной системы коммун и бригад. Отношения между государством и обществом на селе коренным образом изменились, в деревне возник вакуум власти. Кроме того, «ликвидация народных коммун и переход на семейный подряд в деревне привели к тому, что почти 200 млн трудоспособных жителей деревни не имеют постоянной работы и превратились в мигрирующую по стране рабочую силу» [3, с. 200]. И «...как ответ на угрожающую нестабильность, в сельской местности были введены выборы» [8, с. 46]. Для общественного процесса, массово затронувшего 800 млн человек, произошло это очень быстро. Процесс замещения народных коммун и бригад сельскими комитетами в 1981–1984 годах в провинциях КНР показан на рисунке 2.

Раскол по извилисто очерченной линии «город — село», возникший в годы ускоренно-догоняющей модернизации, дополненный направлением «перенаселенный восток — труднодоступный запад», является перманентно воспроизводимой проблемой страны. Китай стал индустриализироваться и активно развивать города за счет деревни: *«сельское хозяйство пополняет промышленность»*, *«деревня поддерживает город»*, *«брать больше, давать меньше, управлять жестче»*. Экономико-географические факторы — малый размер обрабатываемой земли и огромность населения, обусловили *«крайне малый подушевой размер пашни*, с годами все менее способный обеспечить адекватное существование основной массы сельских производителей и их семей». Объективную данность китайцы субъективно дополнили системой

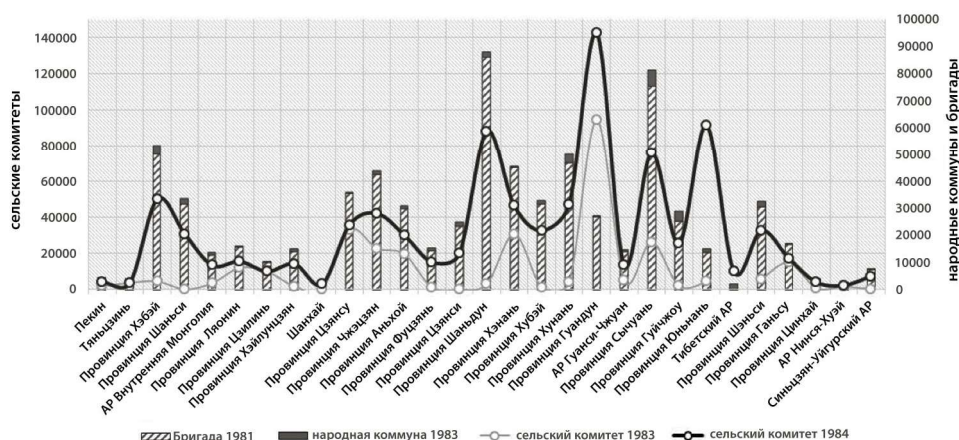

Рис. 2. Процесс замещения народных коммун и бригад сельскими комитетами на территории КНР. 1981–1984 гг.

Источник: Shi Weimin. Zhong Guo Cun Min Wei Yuan Hui Xuan Ju: Li Shi Fa Zhan Yu Bi Jiao Yan Jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009, кн. 1: с. 6–7; кн. 2: с. 2–3.

«двухосновной структуры города и деревни» (*эрюань чэнсянь цзегоу*) [9, с. 59], то есть системой раздельного управления городом и деревней, до сих пор мало изменившейся с маоистских времен. *Опираясь на «раздельное управление городом и деревней», было организовано искусственное построение — своего рода социальная китайская стена, разделившая страну на взаимно изолированные неравные миры.*

Изоляция, тем не менее, нарушается фактом проживания в городах многомиллионной армии крестьян-рабочих — нунминь гун. В результате действия дуальной паспортной системы окраины китайских городов не окольцованы трущобами/фавелами (как в Индии и Бразилии, например), но многочисленные микротрущобы точно находятся в самих городах и за границей. В годы догоняющей модернизации за счет разницы скоростей урбанизации и индустриализации в Китае образовалась новая социальная страта, а вместе с ней и новая социально-гражданско-правовая коллизия: 1) гражданско-идентификационный дуализм населения, имеющего городские либо сельские паспорта и прописку с неравнозначными «социальными пакетами», согласно рангам городских поселений, от мегаполисов до поселков городского типа, и сельской местности³, и 2) бесправные крестьяне-рабо-

³ «В 1958 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял «Положение о регистрации домохозяйств Китайской Народной Республики», включающее 7 регистраций населения для постоянного проживания, временного проживания, выселения и иммиграции, которые в правовой форме строго ограничивали въезд фермеров в город и мобильность населения между городами. С тех пор между городом и деревней была построена невидимая «высокая стена» и

чие — работающие/живущие в городах люди из сельской глубинки с сельской пропиской как опасный маркер паспортного неравенства и триггер социального недовольства.

Документальным подтверждением социального статуса домохозяйств и граждан являются счета «хукоу» двух основных полярных категорий: городские — шиминь хукоу, и сельские — нунминь хукоу. Действующий в настоящее время руководитель КНР Си Цзиньпин на протяжении всей своей карьеры проблеме хукоу, как национальному инструменту регулирования процесса урбанизации, уделял и уделяет очень серьезное внимание⁴. По его мнению, «реформа системы регистрации домохозяйств — это сложный системный проект, который должен рассматриваться комплексно, к нему следует относиться дифференцированно, в соответствии с местными условиями»⁵.

В запутанно-динамичной структуре административно-территориального деления Китая «город» в российском понимании этого термина отсутствует. Здесь городскому муниципалитету подчинена определенная территория, в значительной мере выходящая за городскую черту, внутри которой могут быть подчиненные ей уезды и волости с сельским населением⁶. Для примера можно привести города центрального подчинения (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Чунцин), которые имеют в своем составе сельскую местность (табл.1). «Особое положение городов» с разными рангами подчиненности Л.И. Кондрашова считает «еще одной спецификой административного устройства КНР» [4, с. 163]. Дополняя мигрантов из сельской глубинки, жители пригородных деревень живут городской жизнью, «не покидая деревни», либо наблюдают ее «не покидая ни деревни, ни земли» и невольно сравнивают со своими незавидными социально-бытовыми условиями.

Возвращаясь к урбанизации, отметим, что ежегодники китайской статистики показывают ее уровень двояко: фактически, согласно потребности модернизации экономики; и юридически, то есть по прописке. И в абсолютном, и в относительном исчислении различие между ними весомое. За 2019 год

создана дуальная экономическая модель городского и сельского деления» (Xi jin pin zai bu tong zhi wei shang ceng duo ci biao shi yao tui dong hu ji gai ge: [Си Цзиньпин неоднократно заявлял на разных позициях, что хочет содействовать реформе регистрации домохозяйств] URL: <http://www.chinanews.com/gn/2014/07-31/6443190.shtml>).

⁴ Xi Jin Pin Zai Bu Tong Zhi Wei Shang Ceng Duo Ci Biao Shi Yao Tui Dong Hu Ji Gai Ge: [Си Цзиньпин неоднократно заявлял на разных позициях, что хочет содействовать реформе регистрации домохозяйств] URL: <http://www.chinanews.com/gn/2014/07-31/6443190.shtml>; Xi Jin Ping Zhu Chi Shen Gai Zu Hui. Yi Ding Hu Ji Gai Ge. Yao Qiu: [Си Цзиньпин председательствовал на собрании по глубокой реорганизации] URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0607/c1001-25117310.html>.

⁵ Xi Jin Ping Zhu Chi Shen Gai Zu Hui. Yi Ding Hu Ji Gai Ge. Yao Qiu: [Си Цзиньпин председательствовал на собрании по глубокой реорганизации] URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0607/c1001-25117310.html>.

⁶ По этой причине численность населения собственно города можно не сразу найти: статистика чаще показывает все население территории, подчиненной городскому муниципалитету, из численности которого нужно вычесть сельскую компоненту. Город (поселок) в Китае может находиться на любом уровне и по статусу приравнивается в иерархии соответственно провинции, округу, уезду или волости. Таблицы 2–9 статистических ежегодников содержат разделение на город/село в целом по Китаю и административно-территориальные единицы первого уровня.

Таблица 1.

Выборы сельских комитетов (МСУ) в Китае.
Электорально-демографические характеристики административно-территориальных единиц первого уровня

	Наименование провинции, автономного района (АР), города центрального подчинения КНР	Число сельских комитетов, (2018)	Среднее число жителей на 1 сельский комитет, тыс. чел.	Численность сельского населения, млн чел.	Доля сельского населения, % (2018)	Количество посёлков (чжень), 2028	Количество волостей (сян), 2018	Число национальных волостей
	Китай, всего (АТЕ 31=22+5+4)	542 019	1,041	564,0	40,42	21297	10253	1137
	Северный Китай (5=2+2+1)	93 875				2497	1733	79
1	Пекин	3 915	0,743	2,91	13,5	143	38	5
2	Тяньцзинь	3 556	0,740	2,63	16,85	126	3	2
3	Пров. Хэбэй	48 724	0,675	32,9	43,6	1156	790	55
4	Пров. Шаньси	26 623	0,582	15,5	41,6	564	632	-
5	АР Внутр. Монголия	11 057	0,855	9,45	37,3	508	270	17
	Северо-Восточный Китай (3=3+0+0)	29 878				1607	730	163
6	Пров. Ляонин	11 586	1,200	13,9	31,9	640	201	77
7	Пров. Цилинь (Гирин)	9 325	1,233	11,5	42,5	426	182	28
8	Пров. Хэйлунцзян	8 967	1,678	15,05	39,9	541	347	58
	Восточный Китай (7=6+0+1)	156 170				5007	1504	41
9	Шанхай	1 572	1,845	2,9	11,9	107	2	-
10	Провинция Цзянсу	14 410	1,700	24,5	30,4	723	44	1
11	Пров. Чжэцзян	24 711	0,720	17,8	31,1	639	269	14
12	Пров. Аньхой	14 516	1,977	28,7	45,3	968	271	9
13	Пров. Фуцзянь	14 358	0,940	13,5	34,2	651	272	18
14	Пров. Цзянси	17 004	1,200	20,4	44,0	827	578	7
15	Пров. Шаньдун	69 599	0,560	39,0	38,8	1092	68	2
	Центральный Китай (6=5+1+0)	129 519				5177	1517	187
16	Пров. Хэнань	45 651	1,016	46,4	48,3	1173	618	12
17	Пров. Хубэй	23 392	1,005	23,5	39,7	762	163	9

18	Пров. Хунань	23 897	1,268	30,3	44,0	1138	392	98
19	Пров. Гуандун	19 792	1,677	33,2	29,3	1123	11	7
20	Гуанси-Чжуан. АР	14 229	1,722	24,5	49,8	806	312	61
21	Пров. (о-в) Хайнань	2 558	1,486	3,8	40,9	175	21	-
	Юго-Западный Китай (5=3+1+1)	83 981				4516	3603	555
22	Чунцин	8 031	1,332	10,7	34,5	627	177	8
23	Пров. Сычуань	45 524	0,874	39,8	47,7	2232	2027	111
24	Пров. Гуйчжоу	13 295	1,422	18,9	52,5	837	317	253
25	Пров. Юньнань	11 865	2,124	25,2	52,2	682	543	175
26	Тибетский АР	5 266	0,456	2,4	68,9	138	539	8
	Северо-Западный Китай (5=3+2+0)	48 596	0,982			2493	1166	112
27	Пров. Шэньси	17 022	0,975	16,2	41,9	975	21	3
28	Пров. Ганьсу	16 062	0,878	13,8	52,3	886	343	36
29	Провинция Цинхай	4 144	0,676	27,5	45,5	143	223	30
30	Нинся-Хуэйский АР	2 257	1,285	2,8	41,1	103	90	-
31	Синц.-Уйгурский АР	9 111	1,361	12,2	49,1	386	489	43

Источники информации: <https://baike.baidu.com/item/>; <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm>

оно составило, соответственно, 60,6 и 44,38 процента (годом ранее эти цифры были 59,58% и 43,37%), что представляет собой 16,2 процентных пункта; в абсолютном выражении это будет 226–227 млн человек за 2018–2019 годы (годовой прирост составил всего 0,9 млн чел.). В данную численность вошли не только крестьяне-рабочие, которых, по данным той же статистики, было 174,3 и 172,7 млн человек за 2019 и 2018 годы соответственно, но также дети из сельской местности, которые поступили учиться в городские школы, их родители (мать или отец), которые должны заботиться о них, а также другие категории сельского населения, по разным житейским причинам живущие в городах «на птичьих правах».

«Политические установки государства и местных органов власти служат главными средствами регулирования и контроля, они же представляют собой определяющий фактор развития «урбанизации снизу». Большое значение имеют решения соответствующих государственных ведомств, непосредственно влияющие на ход урбанизации (нормы расселения крестьян, предоставление временного статуса горожан, упорядочение процедуры определения статуса поселка и т.д.)» [10, с. 90].

Административно-территориальное устройство (деление) Китая — «структура централизованная, комплексная и необыкновенно сложная» не только по мнению Ф. Фукуямы [5, с. 424]. На первом уровне административно-территориального деления триедино находятся провинции (шэн),

национальные районы, имеющие свои автономные права (цзычжи цюй), и города центрального подчинения (чжися ши). Все они имеют в своем составе административно-территориальные единицы нижестоящих уровней, включая сельские поселения (табл. 1). КНР поделена на 22 провинции, 5 автономных районов (АР) — второе слагаемое, и 4 города центрального подчинения — третье слагаемое; всего 31 административно-территориальная единица государственного управления первого уровня. Географически административно-территориальные единицы (АТЕ) первого уровня объединены в 6 макрорегионов (табл. 1): север ($5=2+2+1$), северо-восток ($3=3+0+0$), восток ($7=6+0+1$), центр ($6=5+1+0$), юго-запад ($5=3+1+1$) и северо-запад ($5=3+2+0$) страны. Общая схема уровней административно-территориального деления Китая показана на рисунке 3.

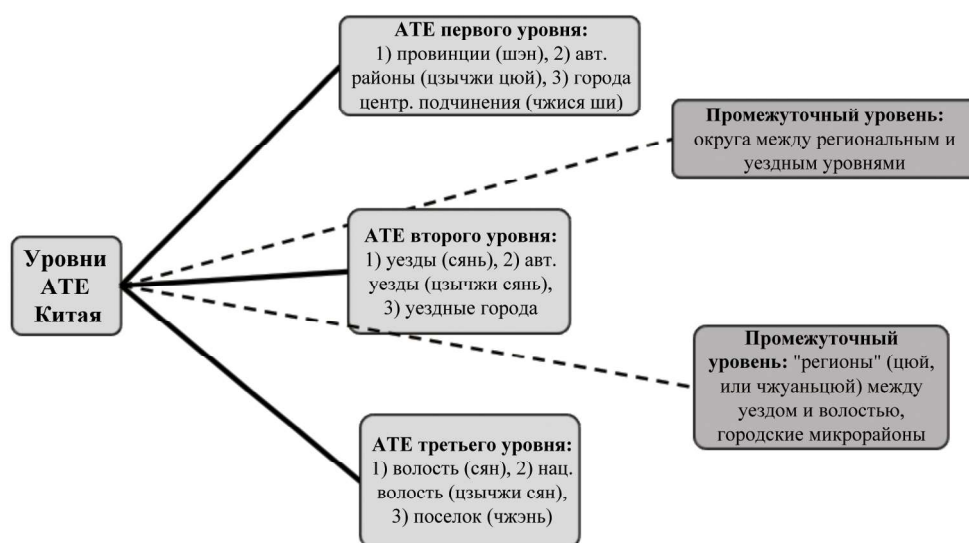

Рис. 3. Схема административно-территориального деления КНР

Источник: Кондрашова Л. Китай: к новой модели общественного развития: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2017. С. 161–162.

«Китайский крест урбанизации» (рис. 4) по восходящей динамике составляют поселки городского типа (чжэнь), по нисходящей — низшие административные единицы — волости (сян). Тренд на увеличение числа поселков и сокращение числа волостей уже неоднократно отмечали российские эксперты, которые связывают его «с процессами урбанизации, а также изменением формальных критериев перевода населенных пунктов из разряда сельских (волости) в разряд городских (поселки)» [4, с. 167; 11, с. 194]. Растущее число поселков (чжэнь) централизованно регулируется, во-первых, принципом административной принадлежности и, во-вторых, инструкциями государственной статистики по изменению статуса сельских

населенных пунктов на городские. Воздействие процесса урбанизации на электоральные процессы не способствует качеству проведения сельских выборов. Так, укрупнение сельских населенных пунктов, ликвидация деревенских групп и связанная с этим миграция были отмечены в перечне основных проблем на выборах в сельские комитеты в 2004–2006 годы в провинциях (городах, АР) Внутренняя Монголия, Ляонин, Шанхай, Чжэцзян, Хубэй, Гуандун, Цинхай, Аньхой, Синцзян [12, кн. 1: с. 545–550].

Заметно, что «КПК, долгое время крепко державшаяся за свое крестьянское происхождение, начала бороться за то, чтобы Китай из сельской страны поскорее превратился в страну городскую» [10]. По словам Дэн Сяопина, послереформенное «развитие волостных и поселковых предприятий, преимущественно промышленных⁷, а также и всех других, сняло проблему трудоустройства для 50 процентов излишних рабочих рук на селе. Крестьянство перестало мигрировать в город, оно построило для себя немало небольших поселков нового типа» [6, с. 304].

Крестьянство, конечно, не перестало мигрировать в города и даже за границу: вторая половина незанятых сельских рабочих рук должна где-то работать. Не зря же волости, которые в течение 25 лет отсутствовали в административно-территориальном делении и были восстановлены конституцией 1982 года [4, с. 167; 170–171], формируют нисходящий тренд. Динамика числа волостей (сян) в соответствии с установками Государственного совета — прерогатива провинций [4, с. 162; 170], она значимо коррелирует с динамикой числа сельских комитетов ($r = 0,9$). Таким образом, *восходящая часть китайского волостно-поселкового креста, согласно стратегии урбанизации, формируется центром; укрупнение волостей формируют провинции — административно-территориальные единицы первого уровня. Тем самым центр и провинции совокупными административно-политическими мерами управляют темпами урбанизации, укрупняя низовые органы власти и самоуправления и регулируя количество поселков городского типа.*

⁷ Дэн Сяопин: «...в 1984–1988 годах ... ряд новых перемен вызвала прежде всего сельская реформа. Резко увеличилось производство сельскохозяйственных культур, значительно возросли доходы крестьян, внезапно поднялась новая группа предприятий — поселково-волостных. Поввысилась покупательная способность широких слоев крестьян. На селе построено не только много новых жилых домов. В простых крестьянских семьях появились велосипеды, швейные машины, радиоприемники, наручные часы, некоторые предметы потребления высокого класса. Увеличение продукции земледелия и подсобных промыслов, расширение сельского рынка и перемещение излишней рабочей силы в свою очередь сильно подстегнули развитие промышленности» (курсив наш) (Дэн Сяопин. Избранное. Т. III (1982–1992) / Перевод Бюро по переводу произведений Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПК. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1994, с. 473). Приведем также более позднюю развернутую оценку того периода от Фу Госиня (РУДН): «В первые годы реформ под лозунгом “покидать землю, не покидать деревню”, при помощи строгой прописки, которая преграждала возможность миграции в города, государство своей политикой способствовало концентрации избыточного труда на селе. В этих условиях волостно-поселковые предприятия играли существенно важную роль в миграции аграрного перенаселения» (курсив наш) (Фу Госинь. Урбанизация китайской деревни и пути миграции аграрного населения // Вестник РУДН. Серия Экономика. 2007. № 2. С. 89.).

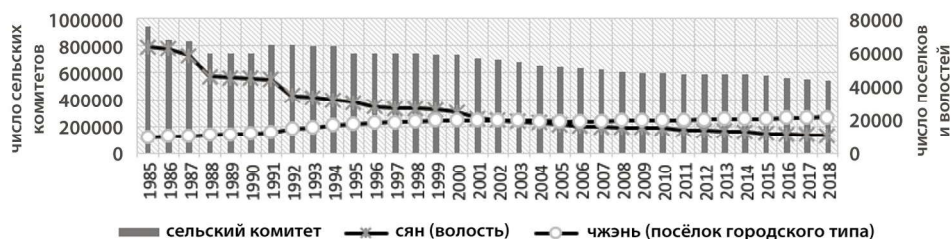

Рис.4. Изменение числа административных единиц 3-го уровня и сельских комитетов 1985–2018 годов

Источник: https://m.baidu.com/sf_bk/item/; Shi Weimin. Zhong Guo Cun Min Wei Yuan Hui Xuan Ju: Li Shi Fa Zhan Yu Bi Jiao Yan Jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009., кн. 1: с. 6–7, 13–14, 28–30, 60–63, 134–137, 219–220, 342–343, 474–475, 567–568; 24, кн. 2: с. 2–3]; подсчеты авторов.

Эффектным способом делегирования полномочий как формы правления в унитарном государстве являются прямые выборы МСУ. Как говорил Дэн Сяопин: «Самое главное тут — спустить права. Наша реформа на селе принесла успех именно потому, что мы дали крестьянам больше прав на самостоятельность и мобилизовали их активность. ... Мобилизация активности — самая широкая демократия. Что касается осуществления тех или иных форм демократии, то здесь нужно исходить из реальных условий. Возьмем всеобщие выборы. Сейчас у нас в низах, то есть на уровне уездов и волостей ... проводятся прямые выборы» [6, с. 308]. Кстати говоря, они проводятся почти четыре десятилетия. Следовательно, *китайское доктринальное видение демократии — это мобилизация активности крестьян в условиях ограниченной, регулируемой сверху хозяйственной самостоятельности, или афористично по Дэн Сяопину: «самое главное — спустить права».*

Считается, что деревенские комитеты (нунцунь цзюйминь вэйюаньгуй) как «автономные организации народных масс» не имеют инструментов принуждения и в политической жизни Китая играют крайне незначительную роль, а «выборы в деревенские комитеты и городские коммуны затрагивают только самую низовую систему власти» [7, с. 131]. Согласно статье 111 Конституции КНР 1982 года, они создавались для выполнения функций местного самоуправления соседской общиной как своего рода субститут коммун/бригад в новых экономических условиях. Система исполнительной власти «спустила» на администрации деревень организацию переписи населения, работу почты и тому подобные функции.

Тем не менее, «недооценивать низовые выборы нельзя» [7, с. 131], поскольку система МСУ затрагивает практически все население, организует массовые практики, влияющие на формирование экономической, социальной и политической самоидентификации городских и сельских жителей. Или, как

считают гарвардские эксперты («Парадокс реформ Китая после Мао» [13]), *«изменяющиеся модели взаимоотношений между государством и обществом в Китае могут иметь большее значение, чем все революции XX века»*. От себя добавим: это тем более важно, что *агентом формирования общества выступает именно государство, а точнее — партия-государство*.

* * *

Согласно определению типа страны из экономической географии, по объективно сложившемуся и устойчивому комплексу присущих условий и особенностей развития, показывающему роль и место страны в мировом сообществе на современном этапе всемирной истории, ее (страну) относят к одному из трех общеизвестных типов. По распространенной градации, рассчитываемой, в частности, по абсолютной и относительной величине ВВП, к наиболее многочисленному типу развивающихся относятся бывшие зависимые страны, полуколонии числом примерно полторы сотни, среди которых выделяют четверку ключевых. Китай, Индию, Бразилию и Мексику «причисляют к развивающимся странам — то есть странам, которые успешно используют государственную власть (часто при авторитарных режимах) для быстрого развития экономики» [5, с. 440].

Но по динамике уровня социально-экономического и политического развития Китай выделяется не только среди данной четверки, в силу чего США периодически предлагают считать КНР не развивающейся, а вполне развитой страной⁸. Однако, несмотря на ряд неоспоримо-впечатляющих экономических достижений, в докладе на XIX съезде КПК прозвучало, что *Китай все еще «является крупнейшей развивающейся страной в мире. Международный статус не изменился»*. Здесь важно то, что китайцы совершенно четко не собираются его менять, поскольку «... партия должна твердо понять основные национальные условия начальной стадии социализма и твердо опираться на серьезную реальность данной стадии». В том же докладе указано, что в Китае *«...не должны спешить с разрешением основных противоречий в этом обществе»*; напротив, *«...мы должны объективно и спокойно руководить нашим экономическим и социальным развитием, считая от базовых национальных условий начальной стадии социализма»*⁹ (курсив наш) в международном статусе развивающейся страны.

⁸ «В ВТО нет определений «развитых» и «развивающихся» стран. Члены сами заявляют, являются ли они «развитыми» или «развивающимися» странами. Однако другие члены могут оспаривать решение члена об использовании положений, доступных для развивающихся стран. Статус развивающейся страны в ВТО дает определенные права. Например, в некоторых соглашениях ВТО предусмотрены положения, которые предоставляют развивающимся странам более длительные переходные периоды, прежде чем они будут обязаны полностью выполнить соглашение, и развивающиеся страны смогут получить техническую помощь». Источник: https://www.wto.org/english/tratop_e/devel_e/d1who_e.htm.

⁹ Cai Fang. Ru He Rang Xin Xing Cheng Zhen Hua Zou De Geng Yuan: [Цай Фан. Как поддержать более длительный путь урбанизации нового типа] // People's Daily Online, 2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1 /2018/ 0427/c40531-29953600.html>.

Что касается базовых противоречий начальной стадии социализма, то в купе с перечисленными линиями «город–село» и «запад–восток» в ряде районов Китая сохраняется крайняя сельская бедность¹⁰. В марте 2020 года высшее китайское руководство на специальном совещании по борьбе с бедностью предложило масштабные и тщательно продуманные меры, дифференцированные по месту и уровню социальных проблем,¹¹ дабы «заккрыть» наконец вечный китайский вопрос с бедностью (нищетой) к концу 2020 года.

Другая вечная тема в Китае — вездесущая коррупция. Рапорты и реляции силовых структур сообщают о переполненности пенитенциарных учреждений чиновниками-взяточниками¹² в результате антикоррупционной «борьбы против тигров и мух», объявленной в 2012 году Си Цзиньпином¹³. И несмотря на то, что в 2013 году «Китай уже перешел, либо вот-вот перейдет к стадии “борьбы с причинами коррупции”» [14, с. 119], количество «пойманных за руку» нарушителей не переходит в качество функционирования властной системы, в том числе по причине несовершенства законодательства.

В частности, «...“общественное право” субъектов рыночной экономики и общественных самоуправляемых организаций еще пребывает в зачаточном состоянии» (курсив наш) [14, с. 118]. Например, положения статьи 142 Уголовного закона (нарушения положений Закона о выборах, который использует насилие, угрозы, обман, подкуп и другие незаконные средства для срыва выборов или препятствует свободному осуществлению права голоса и нарушению права голосовать) не могут применяться к выборам комитета сельских жителей, который является общественной самоуправляющейся организацией — следует из разъяснения Главного управления Постоянной комиссии Всекитайского собрания народных представителей и Комитета по правовой работе, данного еще в 1988 году¹⁴.

В законе КНР о выборах сельских комитетов¹⁵ статья 17 главы 3 «Выборы сельских комитетов» имеет откровенно уголовное содержание¹⁶, касающееся

¹⁰ «По состоянию на конец 2019 года в сельской местности Китая осталось 5,51 млн бедняков, а также 52 бедных округа и 2707 бедных деревень. Эти 52 бедные округа охватывают 7 провинций: Гуанси, Гуйчжоу, Ганьсу, Нинся, Сычуань, Синьцзян и Юньнань. В этом году среди людей, которые вышли из бедности, существует риск возвращения к бедности около 2 млн чел., существует риск бедности около 3 млн чел., в общей сложности около 5 млн чел., плюс оставшиеся более 5 млн бедных людей в конце 2019 года; на самом деле задача выхода из бедности в этом году составляет около 10 млн чел.». Источник: <https://finance.sina.cn/2020-03-13/detail-iimxyqwa0164531.d.html>.

¹¹ Xi jin pin zai jue zhan jue sheng tuo pin gong jin zuo tan hui shang jiang hu: [Си Цзиньпин выступает на совещании по борьбе с бедностью] URL: http://dangjian.gmw.cn/2020-03/11/content_33638376.htm.

¹² Андреева А. В Китае с начала года более 250 тысяч чиновников наказали за коррупцию // Infopol.ru. 2019. URL: <https://www.infopol.ru/202825-v-kitae-s-nachala-goda-bolee-250-tysyach-chinovnikov-nakazali-za-korrupsiyu/>

¹³ В Китае рассказали, как борются с коррупцией // РИА Новости. Пекин, 2018 г. (<https://ria.ru/20181209/1547679964.html>).

¹⁴ http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/lfgz/xwdf/1990-11/13/content_7047.htm.

¹⁵ <https://asia-business.ru/law/law3/rural>.

¹⁶ Статья 36 главы 5 «Демократическое управление и демократический контроль» посвящена посягательству на законные права и интересы селянина со стороны сельского комитета или кого-то из его членов; в случае такового означенный селянин может обратиться в народный суд.

избрания члена сельского комитета несправедным путем (насилием, угрозами, обманом, подкупом, подделками бюллетеней или фальсификацией числа поданных голосов). В данном случае, при срыве выборов, селяне имеют право обратиться в «вышестоящие инстанции», которые и будут нести ответственность за расследование. Провинциальные регламенты о сельских выборах в таких случаях более развернуты: во всех них есть статьи не только аналогичные вышеприведенной, но и о противодействии возмездия за сообщения о подкупе и тому подобном, фактом своего появления подтверждающие агрессивность рвущихся во власть местечковых «деятелей» (в одном из регламентов даже говорится о том, что формы подкупа столь разнообразны, что не поддаются описанию).

Судя по содержанию регламентов, количество злоупотреблений как на сельских выборах, так и после них, просто огромно. Для примера можно привести форму голосования с помощью мобильных избирательных урн для больных/неможных избирателей. Такая форма, заложенная в законе, продублирована в провинциальных регламентах. Но, например, статистика по этой форме за 1995–1997 годы в Китае отсутствует; конкретно по провинции Цзянсу данных о «мобильном» голосовании нет совсем, тем более, что с 2004 года оно в провинции не применялось [12, кн. 2: с. 130]. В обновленном регламенте Цзянсу, действующем с 1 декабря 2019 года¹⁷ в связи с переходом на пятилетнюю каденцию, «мобильную» форму (ст. 24) снабдили оговоркой, что при ее реализации должна быть видеофиксация. При этом в интенсивно миграционной Цзянсу пользуется популярностью считающееся более надежным и применимым прокси-голосование: если по закону оно позволено одному доверенному не более чем от трех избирателей (ст. 40), то в Цзянсу — от пяти человек (ст. 25). И, согласно данным обширного китайского досье о деревенских выборах [12, кн. 2: с. 166–167], в 1995–1997 годов 23,9 процента зарегистрированных избирателей Цзянсу проголосовали с помощью посредников (2001–2003 годы — 15%; 2004–2006 годы — 17,3%); за 1998–2000 годы сведений по этой провинции нет. Девять провинций (городов, автономий) [12, кн. 2: с. 166–167]¹⁸ в принципе не показывают статистику прокси-голосования, которое, наряду с «мобильной» формой, в Китае метафорически называют «водой»¹⁹ по сравнению с голосованием на избирательном участке.

Возьмем пример рассмотрения злоупотребления в суде за 2009 год. В провинции Сычуань (уезд Цзинтан) были опубликованы материалы дела²⁰ заместителя руководителя команды сельских жителей, который «не

¹⁷ http://www.jsrd.gov.cn/zyfb/sjfg/201910/t20191009_516577.shtml.

¹⁸ Тяньцзинь, Хэбэй, Шаньси, Аньхой, Цзянси, Шаньдун, Хэнань, Нинся и Синцзян.

¹⁹ Метафора «вода» означает «неточно», «нереально», «имеется нечто, что нельзя увидеть», и употребляется не только по отношению к голосованию.

²⁰ «Лидер команды жителей села считается “другими лицами, занимающимися общественными делами в соответствии с законом” при оказании помощи низовому правительству в административном управлении». Ляо Чанлунь был обвинен в коррупции и взяточничестве». — <http://cdfy.chinacourt.gov.cn/article/detail/2009/09/id/569017.shtml>.

являясь членом общественной организации деревни, не имея статуса национального сотрудника и не являясь лицом, которое может получить взятку (т.е. не являясь объектом коррупционных или подкупных преступлений)», за определенные злоупотребления был обвинен в коррупции и получил наказание. Согласно толкованию («интерпретации») Постоянного комитета Национального народного конгресса по пункту 2 статьи 93 Уголовного закона КНР, существует семь признаков (пунктов) должностного лица, то есть лица, передача денег которому является взяткой, и по которым можно наказать за коррупцию. Например, при выполнении работ по изъятию земли, сносу жилья и переселению в связи со строительством дороги через земли сельскохозяйственного назначения, закрепленные за фермерами. В данном рядовом случае понадобилось «более чем» тщательное судебное разбирательство, дабы понять, что «члены комитетов сельских жителей и других низовых организаций фактически получили статус квазигосударственного персонала», и поэтому их (его) можно привлечь к ответственности по уголовной статье²¹.

Приведенный в качестве «учебного» сычуаньский пример лишний раз показывает, что в Китае «конечная цель борьбы с коррупцией состоит отнюдь не в увеличении числа наказаний за коррупцию, а в формировании культуры общества без коррупции на основе культуры неподкупной власти. Китайцы красиво формулируют данную основу как путь от «*Не сместь брать*» через «*Не мочь брать*» к «*Не хотеть брать*», но указывают на «несформированность стержневых институтов» на этом непростом и длинном пути, что «является ключевой причиной того, что китайская модель борьбы с коррупцией, реализуемая в процессе модернизации, не может преодолеть явление «коррупционной вязкости», а государство в целом оказалось ввергнуто в коррупционный кризис» [14, с. 120].

* * *

За годы реформ, которые позволили Китаю из состояния крайней социально-экономической отсталости подняться на экономический олимп мира, в стране произошли колоссальные перемены в уровне жизни граждан. Но, независимо от роста благополучия, за социальную и территориальную неравномерность экономического чуда страна платит серьезную цену, получив самовоспроизводящиеся социетальные расколы «город–село» и «запад–восток». Здесь еще не до конца справились и с крайней бедностью населения, а коррупция продолжает оставаться бичом общества на всех уровнях. Все это задачи стоят перед политической системой, которая считается стабильной.

²¹ Члены комитетов сельских жителей и другие сотрудники низовых организаций» при оказании помощи народному правительству в административном управлении принадлежат к «другому персоналу, занимающемуся общественными делами в соответствии с законом», как это предусмотрено в пункте 2 статьи 93 Уголовного закона КНР.

Однако за фасадом политической стабильности происходят изменения в социально-политическом и административно-территориальном устройстве страны, притом не менее кардинальные, чем в экономике. Так, буквально одновременно в сельской местности произошел отказ от печально известных коммун и бригад, замененных властью избранных населением сельских комитетов. Крестьяне (фермеры), получившие с легкой руки Дэн Сяопина доктринально «спущенные права» для хозяйственной самостоятельности, в течение без малого четырех десятилетий демократически — путем прямого голосования всех жителей — избирают современных местных лидеров.

Руководящая страной политическая сила — Коммунистическая партия Китая — периодически предлагает и другие политические инновации, которые в значительной степени касаются сельского населения — самого большого социального слоя, за счет которого совершились «экономические чудеса» в городах. После вынужденного разворота от экспортоориентированного Пекинского консенсуса в «новую нормальность» у себя в стране чувствительные изменения стали заметны в устройстве местного самоуправления сельской местности.

Как ни странно, процесс урбанизации сильно затрагивает сельских жителей, наиболее активная часть которых трудится в городах и поселках, юридически не имея прав на социальный пакет горожан. В части прав на политическое волеизъявление также соблюдается паспортная дискриминация, привязывающая крестьян-рабочих к месту сельской прописки. В сельской местности, в силу специфики образа жизни, наиболее выпукло проявились перекосы в реализации политики планирования семьи, ограничивающей деторождение китайских семей, соблюдение которой прописано в органическом законе о выборах сельских комитетов.

Отношения между государством и обществом в Китае формирует главным образом государство в лице правящей коммунистической партии, которая задает ориентиры и стандарты поступательного общественного развития, находящегося, по ее расчетам, на начальной стадии социализма. Столица и провинции, руководство которых обладает значительной властью, несмотря на формально унитарное строение государства, совокупными административно-политическими мерами управляют темпами урбанизации, укрупняя низовые органы власти и самоуправления и регулируя количество небольших городских поселений.

Руководство страны обоснованно не торопится менять международный статус Китая как развивающейся страны и предлагает не спешить с разрешением накопившихся противоречий, стараясь не навредить общественному прогрессу, не без труда находящему дорогу в китайском обществе, по историческим меркам еще «вчера» бывшем в феодальном состоянии, и медленно, но упорно формирующем на всех уровнях, включая местное самоуправление, культуру неподкупной власти.

Список литературы

1. Рикардс Дж. Смерть денег. Крах доллара и агония мировой финансовой системы. М.: Яуза: Эксмо, 2015. 432 с.
2. Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2014. 635 с.
3. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 624 с.
4. Кондрашова Л. Китай: к новой модели общественного развития: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2017. 336 с.
5. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: АСТ, 2017. 704 с.
6. Дэн Сяопин. Избранное. Т. III (1982–1992) / Перевод Бюро по переводу произведений Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПК. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1994. 537 с.
7. Воскресенский А. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14) С. 120–138.
8. Almen O. Local Election in China // Politologiskestudier «RGANG». 6 NR. 2 September. 2003. P.45-56. [Электронный ресурс] URL: <http://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:844381/FULLTEXT01.pdf>
9. Бони Л. Новая аграрная стратегия XIX съезда КПК: цели и проблемы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 57–69.
10. Фу Госинь. Урбанизация китайской деревни и пути миграции аграрного населения // Вестник РУДН. Серия Экономика. 2007. № 2. С. 87-93.
11. Зуенко И. Развитие системы административно-территориального устройства провинции Хэйлунцзян: 1982–2014 гг. // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 187–209.
12. Shi Weimin. Zhong Guo Cun Min Wei Yuan Hui Xuan Ju: Li Shi Fa Zhan Yu Bi Jiao Yan Jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. В 2-х кн. 978 с.
13. The Paradox of China's post-Mao Reforms / ed. By M. Goldman, R. MacFarquar. Cambridge, London: Harvard Univ. Press, 1999. 462 p.
14. Лю Хунянь. Стратегическая трансформация законодательства в сфере противодействия коррупции в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 116–121.